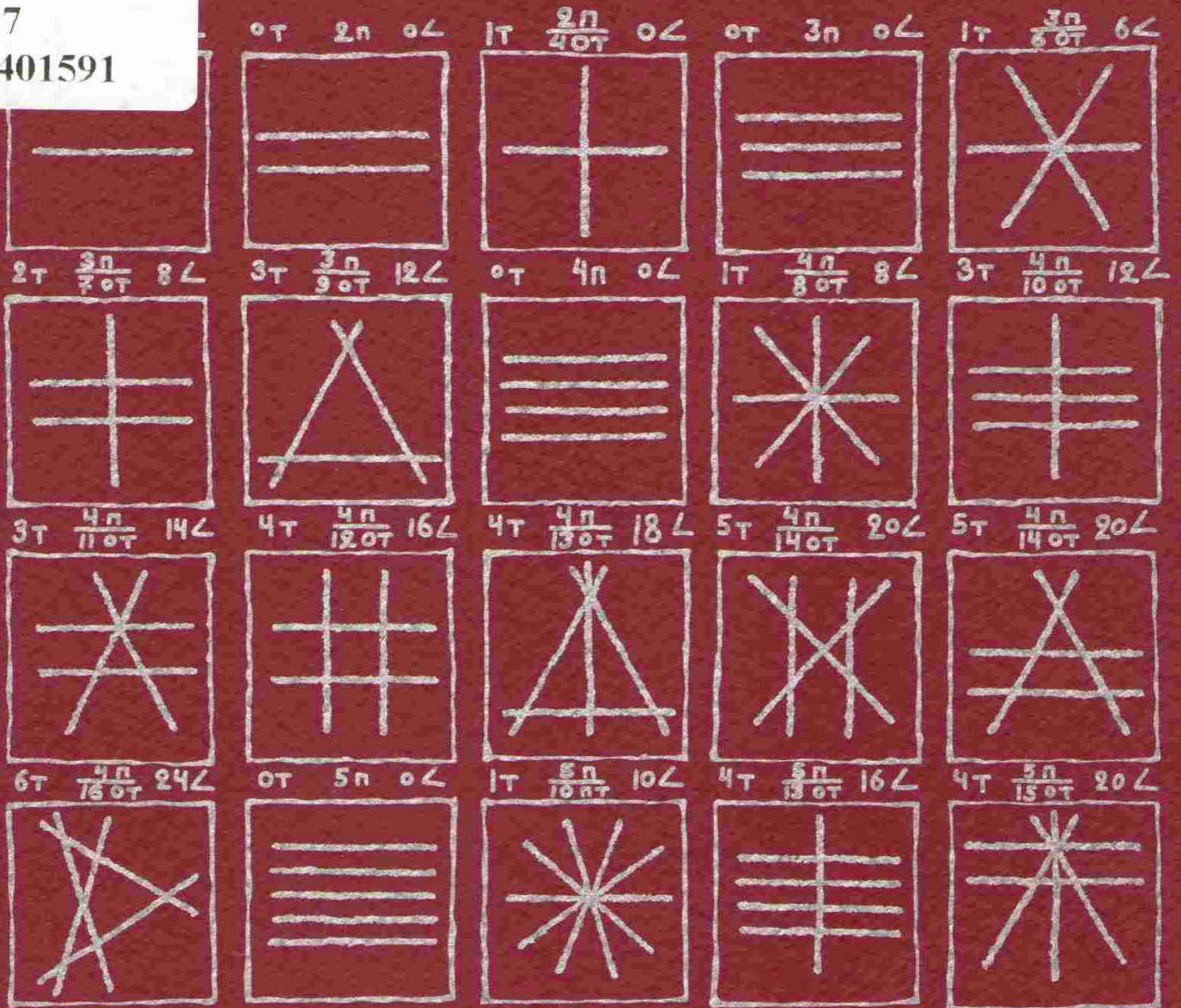

Сергей Калмыков

Op85.14
K17
A-401591

Пространство

и
Время

Op 85.14
K17

Op 85.14

85.143(2=411.2)6-8 Калмыков С.И.

Сергей Калмыков

Пространство и время

Рукописи 20–30-х годов XX века

A-4101591

Оренбургское
книжное издательство
имени Г. П. Донковцева
2017

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

КР

ИЗБРАННЫЕ МЫСЛИ, ОБРАЗЫ И «НАИВНЫЕ РАЗГОВОРЫ СРЕДИ ДРУЗЕЙ АПЕЛЛЕСА ОРЕНБУРГСКОГО» — СЕРГЕЯ КАЛМЫКОВА

Да, он был именно таким — очень уверенным в себе, недостижимым для насмешек, недоступным для критики, скрытым от мира гением, которому и не требуется никакого признания. Положительно только к нему одному из всех известных Зыбину художников, поэтов, философов, больших и малых, удачливых и нет, он мог с таким полным правом отнести пушкинское «ты царь — живи один». Калмыков так и жил, так и чувствовал свое первородство¹.

Юрий Домбровский

Феномен Калмыкова. Сергей Иванович Калмыков (1891–1967) — выдающийся пример «вселенской отзывчивости» русского художника, чье искусство только предстоит по-настоящему открыть специалистам-искусствоведам и широкому зрителю.

Впрочем, парадоксальность ситуации Калмыкова заключена в том, что он одновременно и забыт, и популярен. Прежде всего его знают как героя романа Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» (второй части диптиха «Хранитель древностей»).

Образ, созданный в романе, настолько убедителен и достоверен, что стал символом творческого самостояния. Многие вспомнят старого алма-атинского уличного художника, игнорирующего окружающую реальность.

Закономерно, что наиболее известными оказались именно поздние картины и рисунки Калмыкова, его алма-атинский период (1935–1967)².

¹ Домбровский Юрий. Хранитель древностей. М.: Эксмо, 2010. С. 282.

² Калмыков Сергей / авт.-сост. В. С. Бучинская. Алма-Ата: Онер, 1991. 160 с.; Калмыков Сергей / авт.-сост. В. С. Бучинская. Алма-Ата: Онер, 2005. 208 с.

И лишь в последние годы предпринимаются попытки объяснить проблематику его работ оренбургского периода (1910–1935)¹.

Молодой Калмыков — утонченный автор, независимый, но при этом контактирующий с крупнейшими мастерами эпохи — от Петрова-Водкина до Малевича, сложно связанный с несколькими ведущими творческими организациями: от «Мира искусства» до «Союза молодежи», от Уновиса (Утвердители нового искусства) до «Жар-цвета».

Стремительная эволюция художника — от юношеского символизма к абстрактивизму и супрематизму, постсупрематические графические серии, минимализм и экспрессионизм, примитивизм и архаизм — все определялось условиями авангардистского эксперимента.

Тот же эксперимент предполагал и занятия литературой, быстро превратившиеся во вторую, наряду с изобразительным искусством, «ось» творчества Калмыкова.

Тексты художника. Читателями его самых ранних рукописей (1910-е) были почти исключительно «званцевцы» — друзья периода петербургской учебы: Юлия Оболенская, Сергей Колесников, Наталия Грекова. Но, высоко оценивая Калмыкова как самородка, они не приняли его литературные опыты.

Вот о чем 30 мая 1917 года рассказывает Наталия Грекова своей ближайшей подруге Юлии Оболенской: *«От Калмыкова недавно имела письмо; пишет, что его на 3 месяца освободили <от воинской службы>; у него болит рука, какие-то свищи в руке, и он ходит в госпиталь на перевязку². Не работает, не из-за руки, а так, и усиленно предлагает мне это делать. Переписывает свои собственные письма, кот<орые> я ему отправила³, пишет пьесы. Обещает прислать по окончании мне. Из писем составляется, по-видимому, тоже книга*

¹ Смекалов, И. В. Сергей Калмыков. Оренбургский период (1893–1937). Оренбург: М. Ф. Коннов, 2012.

² В 1916 году Калмыкова призвали в армию. Проходя службу в Оренбургской учебной команде, он заболел костным туберкулезом.

³ Начав собирать (систематизировать) собственные сочинения, Калмыков попросил Грекову вернуть его письма, а получив их, переписал и возвратил копии Грековой.

с надписью на первой странице: «С. Калмыков. Письма (1913–1917)». А на второй — куда: «В Саратов. губ. в Цариц. уезд в почт. ст. Ольховку», откуда (я сохраняю орфографию): «из Оренбурга (копия с писем, написанных мною, Сергеем Калмыковым, учеником живописца К. С. Петрова-Водкина, его ученице Н. П. Грековой. Человеческий документ нашей эпохи — начала XX века, эпохи Великой Европейской войны)». Перед каждым годом вклеено по листу с акварелью, сделанными в кругу разными разноцветными розетками, построенными циркулем. Получилась книга стр<аниц> в 500. А? Каково? Остальное письмо в большей части посвящено восторженному описанию какой<-то> девочки-девушки, кот<орую> он встретил в госпитале. Вот уж правда человеческий документ»¹.

Скепсис Грековой очевиден. Увы, в отличие от Домбровского, она относится к Калмыкову и его произведениям свысока. И его тексты, и абстрактивистская графика (речь в письме идет о самых ранних «рисунках-схемах») в равной степени игнорируются².

Заметим в этой связи, что живопись самой Грековой, при всей ее талантливости, так и не сложилась, а вот Калмыков свое искусство выстрадал.

Сегодня мы можем оценить настойчивость, с которой он работал над собой, и проследить не только мотивы живописи или графики, но и логику основных рукописей.

В начале двадцатых, на фоне работы в филиале Уновиса, появляются «Доклады» — главные теоретические тексты Калмыкова.

Середина двадцатых — время создания многотомных «Необычайных абзацев», своеобразного синтеза разных жанров. К этому же периоду относятся сочинения по формальной композиции и огромные фолианты, составленные из писем, адресованных художникам-супругам Ольге Шпилько и Кузьме Николаеву.

¹ Текст Грековой приведен в публикации Л. Бернштейн и Е. Неклюдовой «Почтовая проза из архива Ю. Л. Оболенской. Письма 1916–1917 годов» // Наше наследие. 2017. № 121.

² Большинство текстов, о которых пишет Грекова, не сохранилось.

Во второй половине двадцатых годов возникают первые фантастические романы — описания собственных картин и пространственные отчеты о выставках оренбургского филиала АХРР (Ассоциация художников революционных республик).

С конца тридцатых в многочисленных фантастических произведениях отражаются уже темы алма-атинской жизни мастера, его театрально-декорационная работа в оперном театре имени Абая. Параллельно он продолжает писать сочинения дневникового характера.

Нет нужды повторять, что весь массив своих текстов Калмыков создавал без всяких надежд на их обнародование. Он не мог и помыслить о скорой публикации — обстоятельство, придающее его писаниям характер прямодушной исповеди и одновременно творческого манифеста.

В сороковые-шестидесятые эти сочинения, аккуратно переписанные и затем переплетенные в виде роскошных рукотворных альбомов-фолиантов, стали образцами независимого, неподконтрольного русского искусства, своего рода «самиздатом», предназначенным исключительно «для будущего».

Неслучайно об этих тетрадах и альбомах столь возвышенно пишет Юрий Домбровский. Неслучайно они привлекают внимание современных писателей и искусствоведов.

История публикации текстов. Самая первая публикация афоризмов Калмыкова и фрагментов его воспоминаний об учебе в Петербурге была подготовлена В. С. Бучинской (Панорама искусств. № 13. М.: Советский художник, 1990. С. 133–148).

Опыт системного изучения литературного наследия Калмыкова представляется реконструкция «Необычайных абзацев» (сост., вступит. ст., коммент. — И. В. Смекалов. Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г. П. Донковцева, 2015.

416 с.), включающая наиболее полную авторскую композицию рукописей (ЦГАРК).

Настоящее издание — очередной результат длительной работы — составлено из ранних (1910–1930-е) текстов мемуарного характера, а также отдельных разножанровых произведений, соответствующих основным направлениям деятельности Калмыкова.

В качестве приложения приводится несколько фрагментов поздних текстов (1960-е), отсылающих читателя к событиям юности мастера. Изучение массива мемуарных и фантастических сочинений Калмыкова-старика — отдельная задача.

Материалы из собрания В. В. Марьяша. В издании впервые публикуются тексты из коллекции В. В. Марьяша, едва ли не крупнейшего на сегодня частного собрания наследия художника¹. Все приведенные материалы объединены в рукописный альбом, подаренный Калмыковым Анатолию Луначарскому в 1929 году во время визита наркома просвещения в Оренбург (на первом листе имеется соответствующее посвящение).

Фрагменты «В защиту модернизма» и «Невский пылал огнями» из «Необычайных абзацев», не вошедшие в книгу 2015 года, существенно дополняют темы детства и учебы автора в Петербурге, в школе Званцевой. Калмыков, подобно Оболенской, был настоящим историографом «званцевцев». Без его воспоминаний немислимо изучение этого заметного коллектива эпохи символизма и раннего авангарда.

В целом альбом, подаренный Луначарскому, — это самый значительный по качеству и сохранности пример ранней «издательской» деятельности художника, обобщающий основные тенденции его оренбургского творчества.

¹ Калмыков Сергей. Монография одной коллекции. S. K. Foundation. М.: Новый Эрмитаж — один, 2004. 214 с.; Калмыков Сергей. Моя планета [каталог выставки] / сост.: С. В. Бабина, В. В. Марьяш. М.: Новый Эрмитаж — один, 2006.

Материалы из архива Ю. Л. Оболенской. Важной особенностью издания стало привлечение материалов, обнаруженных в РГАЛИ (Москва), в фонде Юлии Оболенской¹. Рукописи Калмыкова (1912–1923) хранятся здесь в отдельной папке² и для настоящего издания впервые расшифрованы полностью. Оболенская сохранила эти сочинения, несмотря на ссору, прервавшую их переписку с Калмыковым в конце двадцатых³.

Несомненный интерес представляют фотографии группы «званцевцев» рядом с их учителями — Мстиславом Добужинским и Кузьмой Петровым-Водкиным, ранее воспроизводившиеся лишь фрагментами. При этом и Калмыков, и его самое близкое окружение — художники Сергей Колесников, Александр Иванов как-то выпадали из поля зрения специалистов.

Среди всех — «отправленных» и «неотправленных» — писем именно сочинения, сохраненные Оболенской, отличаются особой тщательностью отделки и продуманностью «сценария». Очевидно, только тексты, которые художник решался послать адресату, воспринимались им самим как законченный труд. Каждая посылка обычно сопровождалась фотографиями, гравюрами, рисунками.

Речь прежде всего идет о теоретических трактатах «Изучение четырехмерного мира с точки зрения живописца» (Оренбург, 1920); «Детские рисунки и их художественное значение (материалы для истории развития изобразительного искусства в Оренбурге). Опыт интуитивного исследования» (Оренбург, 1922).

Письма Калмыкова из архива Оболенской — своеобразный дневник периода Гражданской войны и военного коммунизма, включающий описание 100-дневной обороны Оренбурга от войск Колчака (1919). В частности, описываются художественные выставки, проводившиеся в блокированном городе, артил-

¹ Сегодня архив Оболенской активно изучается, появляются издания, посвященные его различным частям. Переписка Ю. Л. Оболенской и К. В. Кандаурова цит. по изд.: Алексеева Л. Цвет винограда. М.: АСТ, 2017.

² РГАЛИ. Ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 31. Письма С. И. Калмыкова к Ю. Л. Оболенской.

³ Ссору с Оболенской, связанную с недооценкой его работ и крахом надежд на московский успех, обиженный Калмыков подробно описывает в своих сочинениях конца 20-х годов.

лерийские обстрелы улиц казаками-дутовцами, работы агит-проповцев 1-й армии Восточного фронта и т. д. Этот материал позволяет из первых рук узнать о деталях жизни художников в условиях Гражданской войны.

Далее Калмыков пишет о первых годах новой (советской) власти, о времени безграничной художественной свободы, которое он называет по имени реформаторов — «ИЗО Наркомпроса», о создании оренбургских ГСХМ (Государственных свободных художественных мастерских), о голоде в Поволжье (1921). Отметим меткие, часто нелюбезные характеристики оренбургских и столичных творческих организаций различной направленности. Тексты Калмыкова показывают, до какой степени мало нам известно о том смутном времени, как упрощенно мы воспринимаем отношения художников и раннесоветского государства.

Материалы из собрания ЦГАРК. Но сколь бы ни были значительны московские материалы, творческое наследие Калмыкова, сохраненное в собрании Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГАРК), остается основным и требует глубокого и всестороннего исследовательского анализа.

Фонд Калмыкова в ЦГАРК включает многочисленные рукописи разных лет, авторскую уникальную и печатную графику, клише гравюр, документы, фотографии, вырезки из газет и т. д.

Неповторимую интонацию художника сохранили заголовки его текстов: «Дневник тем, или Ирония действительности»; «Апеллес Оренбургский. Его мысли и наивные разговоры среди друзей».

Калмыков пишет о совместной творческой, выставочной и преподавательской деятельности ряда значительных авторов (Степан Карпов, Серафима Рянгина, Кузьма Николаев, Ольга Шпилько, Сергей Богданов, Иван Кудряшов). Многие художники сегодня основательно забыты. В частности, модернистские тек-

сты-миниатюры Ивана Добровольского; его гравюра и рисунок, сохраненные в альбомах Калмыкова, — единственное, что осталось от этого талантливомo модерниста.

Таких примеров много.

Особенности авторской позиции. Главная тема Калмыкова — Оренбург. Художник знает и любит свой город и сознательно создает его летопись: *«Хотелось бы, чтобы как-нибудь был написан такой роман, в котором из самого пустякового случая, допустим прогулки двух приятелей (например, меня и моего чрезвычайно молчаливого друга Клеоника) по какой-нибудь Советской улице от Собора и до реки (хотя бы нашего Урала), была бы <...> изображена вся наша эпоха, вся наша жизнь со многими подробностями (для этого автору надо было бы обладать верным взглядом на все происходящее во всех мельчайших подробностях, а его-то у меня во всяком случае нет, я даже не подозреваю о большинстве происшествий и, конечно, не думаю стать автором такого романа; но влить и свою каплю в море, дать от себя некоторые материалы для построения этого несуществующего романа хотел бы), подобно тому, как когда-то поэтом воспет был гнев Ахиллеса, Пелеева сына, дифирамб, разросшийся в колоссальную эпическую поэму, картину эпохи, с тою только разницею, что сходной точкой этого произведения оказался бы не изумительный герой, а нечто противоположное всему героическому и необычайному — самый обыкновенный молодой человек нашего времени (что было бы очень не плохо)»¹.*

У Калмыкова редко встретишь детальные описания мест и явлений. Он лишь называет события и факты, причем трактует их крайне субъективно, но для исследователя его писания — ничем не заменимые подтверждения многих догадок.

Но случайностей в его сочинениях не бывает. Как никто другой, он думает о стиле, имеет обыкновение бесконечно шлифо-

¹ Частное собрание, Москва.

вать и перекомпоновывать свои тексты. И каждый раз он рассказывает о любимых сюжетах по-новому, добавляя новые краски, уточняя форму, разрабатывая пространство с максималистским упорством.

В отличие от «Абзацев» с их кратким, обобщенным, монтажным подходом, в более поздней «Автобиографии» планируется некое монументальное, необыкновенно подробное изложение событий. Столь же «бесконечны» адресованные Ольге Шпилько и Кузьме Николаеву письма-диптихи с огромным количеством отступлений.

Отказавшись от прежней «экономии» и решившись на новый, подчеркнуто вязкий стиль новых сочинений, Калмыков начинает методически выполнять задуманное. Возвращаясь в описаниях к каждому прожитому дню, он как бы стремится заново прожить собственную жизнь.

Одновременно он остается минималистом и продолжает писать отточенные афоризмы. И то и другое одинаково ценится и отмечается самим автором. Действительно, трудно не оценить стилевую свободу и прихотливую композицию этих сочинений.

Филигранной литературной отделкой и точностью автохарактеристики отличается, например, сочинение «Сергей Калмыков. Воображаемая справка для Большого энциклопедического словаря».

Калмыков-концептуалист. Казалось бы, художник работает исключительно «для себя». Но при этом он с готовностью демонстрирует свои сочинения всем желающим. Каждый новый текст переписывается набело карандашом, снабжается рисунками-вклейками и фотографиями и переплетается в специальный толстый том.

Новая идея — новый альбом!

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26